

DOI: 10.24044/sph.2017.3.1

Уважаемые коллеги!

В преддверии такого знаменательного для России и мира исторического юбилея, как вековая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, среди памятных дат текущего месяца особенно значимым видится приходящееся на 27 сентября 95-летие массовой высылки за пределы нашей страны ряда выдающихся деятелей отечественной культуры, получившей известность как «философский пароход».

Календарное соседство упомянутого выше столетия Великого Октября с этой несколько менее «круглой» и более скромной годовщиной вкупе с непосредственной и наитеснейшей связью приуроченных к соответствующим числам событий побуждают задуматься, прежде всего, о неоднозначности результатов и последствий всяких масштабных и кардинальных общественных свершений.

В обширном и разнообразном спектре актуальных оценок значения первой в мире победившей в масштабах целого государства социалистической революции постепенно утрачивают прежнее влияние свойственные наиболее радикально настроенным либеральным авторам утверждения о том, что едва ли не все катаклизмы, пережитые челове-

чеством за последнее столетие, включая II мировую войну в том виде, в каком она произошла, являются следствием прихода к власти в России большевиков. На смену таким расходящимся с принципами объективности и историзма мифологизированным обвинительным умозаключениям приходят более взвешенные оценки ученых и публицистов, относящихся к самым разным идейно-политическим течениям. Даже один из современных идеологов отечественного монархизма признал Октябрь и последовавшие за ним преобразования не лучшим, но и не худшим вариантом развития страны, несшим элементы как зла, так и блага, и, в общем, являвшимся частью объективно предопределенного и необходимого колоссального переворота, охватившего мир с 1914 года. В дополнение к оценкам советской историографии, заострявшей внимание на благотворном влиянии победы и достижений советской власти на успехи движений за права трудящихся и народов колониальных и зависимых стран по всему миру, современная наука демократической России делает акцент на значении революционных свершений в нашей стране в качестве катализатора в расширении и качественном росте буржуазной демократии, а также гуманиза-

ции социальной политики в странах капитализма.

Обращаясь же к драматическим событиям в судьбах ряда видных деятелей культуры пореволюционной России, апофеоз которых пришелся на сентябрь 1922 года, наряду с уроном, причиненным ими духовному и научно-техническому потенциалу страны, следует отметить и то, что другим их следствием явилось возникновение Русского Зарубежья XX века – уникального по своим масштабам и значению феномена, занявшего важное место в золотом фонде не только русской, но и общемировой культуры. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что опыт освободительного движения трудящихся, наивысшей точкой в развитии которого явилась Октябрьская революция в России, своеобразным образом преломился в деятельности первых оказавшихся вследствие ее в эмиграции отечественных ученых, которые уже в 1917–1918 гг. начали создавать за рубежом академические группы по образцу профсоюзов, через посредство которых осуществлялась материальная поддержка и взаимодействие с местными учеными и организациями.

Принимая в расчет многоаспектность и многоуровневость действий и процессов, реализуемых людьми, а тем более – многомиллионными человеческими массами, зачастую действующими как своеобразные коллективные социокультурные организмы, следует помнить о том, что наряду с осознаваемыми пла-

стами и траекториями в ходе этих свершений разворачиваются и бессознательные, значение которых может быть осмыслено лишь по истечении определенного времени, когда образовавшаяся историческая дистанция даст возможность обозреть всю их панораму наиболее полно и стереоскопично.

В свете этого представляется интересным подход к осмыслению русской революции, предложенный спустя около полутора десятилетий после октябрьских событий немецким историософом-славянофилом В. Шубартом. Он поставил ее в контекст усматриваемого им в славянском, и особенно в русском коллективном душевном складе архетипического мессианства, в силу присутствия его носителям своеобразной жертвенной экспансивности и тяготения к предельному опыту, подчас выливающемуся в эсхатологические формы. Сквозь призму такой методологической оптики можно усмотреть в некоторых порожденных революцией векторах социокультурной и геополитической динамики намечавшиеся магистрали не только экспорта революции, но и эксплозии русского начала в самом широком смысле, угадываемого в интуициях ряда пытавшихся выразить его мыслителей как вселенское по своей исходной глубине и творческим устремлениям. Неслучайно вызванная революцией волна эмиграции из России в определенной мере обусловила подъем солидарности по отношению к оказавшимся за рубежом ее уроженцам в среде других

славянских народов, побуждающий вспомнить о панславизме XIX столетия, и в целом способствовала росту влияния русской культуры в ряде стран мира.

Знаменательно, что одним из наиболее благоприятных для формирования Русского Зарубежья государств стала Чехословакия, в которой с 1921 г. по инициативе президента Т. Масарика начала действовать государственная гуманитарная программа помощи эмигрантам из России под названием «русская акция». Она позволила им основать свои научные школы, публиковаться, читать лекции. Прага стала благодатной средой для развития русской науки за рубежом и приняла многих отечественных учёных, устремившихся в нее из других эмигрантских центров. Местные власти активно привлекали русских специалистов к сотрудничеству на благо своей республики. При их содействии в 1922 г. в Праге были открыты Русский институт транспорта и связи, Русский педагогический институт имени Я. А. Коменского, создан Русский юридический факультет при Карловом университете.

Широкая поддержка русской мысли оказывалась и в Югославии, где была создана целая сеть объединений в области эмигрантского образования: Союз русских педагогов в Королевстве СХС, Русское педагогическое общество, Союз деятелей русской демократической школы на Балканах, Русские студенческие дома. При содействии короля СХС Александра в Белграде

был создан Русский научный институт, который по праву может считаться Русской эмигрантской академией наук за рубежом.

Русская академическая группа в Великобритании объединяла философов Н. М. Бахтина, Н. М. Зернова, Н. Д. Городецкого; историков П. Г. Виноградова, М. И. Ростовцева, Н. Е. Андреева, определивших развитие основных направлений западной историографии в области славистики и истории России.

Некоторые отечественные исследователи заложили научные направления национальных школ принявших их стран и сделали там эпохальные для новейшего времени открытия и изобретения. П. А. Сорокин явился одной из ключевых фигур в становлении американской социологии, разработав теорию социальной стратификации. В. К. Агафонов создал французскую научную школу почвоведения. Переместивший свои исследования во Францию и Чехословакию Н. И. Андрусов сыграл немаловажную роль в становлении палеоэкологии. Талантливый российский авиаконструктор, разработчик «Русского Витязя» и «Ильи Муромца» И. И. Сикорский построил в США первый самолет-амфибию S-29 и стал впоследствии основоположником вертолетостроения. Немалый вклад в укрепление американских ВВС был сделан А. Н. Прокофьевым-Северским и А. М. Картвеловым, разработавшими тяжелые истребители и штурмовики, соста-

вившие основу боевой авиации США в период II мировой войны.

Обосновавшийся в Соединенных Штатах талантливый инженер В. К. Зворыкин не только изобрел и совершенствовал телевидение, но и оказал важное содействие его распространению и за пределами Америки – в Европе и Советском Союзе; выступил одним из создателей медицинского сканирующего электронного микроскопа и разработчиком приборов ночного видения. Другой русский инженер – А. М. Понятов, эмигрировав в США, внёс ряд существенных новаций в технологию магнитной аудио- и видеозаписи, благодаря чему под его руководством учрежденная им компания Ampex разработала первый коммерческий видеомэгнитофон.

Оказавшиеся в эмиграции писатели А. И. Куприн, И. А. Бунин, Б. К. Зайцев, Е. Н. Чириков, И. С. Шмелев и др. продолжили лучшие традиции отечественного реализма и творческие поиски Серебряного века, создав за рубежом прекрасные образцы высокой литературы. Их новые произведения широко переводились и печатались в разных странах, что явилось значимой лептой в сокровищницу художественного слова всего человечества. Общемировое признание реалистической школы русской прозы означало решение Нобелевского комитета о награждении в 1933 г. писателя И. А. Бунина. Немаловажно при этом, что среди других кандидатов на данную премию в тот год были также писатель-эмигрант

Д. И. Мережковский и представивший Советскую Россию М. Горький. Всемирно известными и любимыми явились сочетавшие глубинный анализ эмоционального состояния персонажей с увлекательным сюжетом произведения В. В. Набокова.

Весьма плодотворно и легко в силу отсутствия языкового барьера интегрировалось в международную художественную среду хорошо известное за границей еще в дореволюционные времена русское музыкальное и изобразительное искусство. Благодаря тому, что еще с 1908 г. в Европе, а затем и по всему миру снискали триумфальную известность организуемые С. П. Дягилевым «Русские сезоны» – гастрольные выступления отечественных артистов балета и оперы, после событий 1917 г. продолжили свою творческую деятельность в зарубежье А. П. Павлова, Т. П. Карсавина, М. Ф. Кшесинская, В. А. Коралли, О. И. Преображенская и А. Д. Данилова. В 1929 году дело ушедшего из жизни С. П. Дягилева продолжил С. М. Лифарь, возглавивший Национальный балет Франции. Русская балетная школа за границей внесла огромный вклад в мировую хореографию. Подлинным украшением музыкальной культуры французской столицы с 1923 г. является Парижская русская консерватория. Ее первым ректором стал известный дирижер Н. Н. Черепнин, а почетным председателем был избран гениальный композитор С. В. Рахманинов, имя которого она носит и по

сей день. Он привлек к преподаванию в ней своего друга – знаменитого оперного исполнителя Ф. И. Шаляпина. Одни из лучших своих творений, помимо С. В. Рахманинова, музыка которого обрела мировую славу наиболее русской по духу, создали за рубежом композиторы И. Ф. Стравинский, С. А. Кусевицкий и С. С. Прокофьев. Широкое признание за границей получили и российские певцы, среди которых наряду с уникальным басом Ф. И. Шаляпиным следует упомянуть, прежде всего, настоящих кумиров эмигрантской эстрады М. И. Вавича и обретшего славу выразителя духа Русского Зарубежья А. Вертинского.

Вдали от Родины получило развитие и творчество многих художников Серебряного века, к числу которых принадлежат знаменитые «мирискусники»: Н. А. Бенуа, Л. С. Бакст, Н. С. Гончарова. На Западе было хорошо принято творчество художников К. А. Коровина, И. Я. Билибина, М. В. Добужинского и Л. В. Зака. Особый вклад в развитие мировой авангардной живописи внесли один из основоположников абстракционизма В. В. Кандинский и «сюрреалист» М. З. Шагал.

Научные и технические достижения, шедевры искусства и мощный идейный потенциал, созданные представителями русской культуры вне пределов Отечества, с течением времени получают все более глубокое осмысление и высокую оценку как за рубежом, так и в самой Рос-

сии, тем более, что связь с нею эмигрантского сообщества полностью никогда не прерывалась. Поддержанию и развитию этой связи в на позднейших этапах общественно-исторического развития особенно способствовали едва ли уступающие революционным по масштабам и степени неоднозначности своих результатов и последствий радикальные трансформации постсоветского времени. Они также обусловили волну эмиграции из России, сопряженную, однако, в большей степени не с политическими, а с экономическими факторами, множества талантливых ученых, деятелей искусства и предпринимателей.

Так, в 1990-х гг. отбыли на постоянное жительство в Европу физики К. С. Новоселов и А. К. Гейн, создавшие графен – материал, перспективный для развития электротехники и электроники. С начала самого «лихого» десятилетия в позднейшей российской истории по 1996 г. Жил и работал в США прославившийся доказательством гипотезы Пуанкаре математик Г. Я. Перельман. В последние годы предпочли жить и работать за пределами России историк, специалист в области прав человека Д. В. Дубровский, видные экономисты К. И. Сонин и С. М. Гуриев, писатель Б. Акунин, предприниматели Е. А. Чичваркин, П. В. Дуров и др. Но эмиграция или продолжительное нахождение за рубежом, равно как и двойное гражданство столь крупных в своих областях персон все же могут рассматриваться лишь как не представ-

ляющая всей картины «верхушка айсберга», тем более, что нередко это устремленность вовне зачастую обусловлена в их случае идеологическими мотивами. Основная же масса квалифицированных российских специалистов, прежде всего занятых в сфере науки и образования, уезжает на заработки и проживание за границу в связи с ухудшением условий и снижением оплаты труда при увеличении составляющих его нагрузок в условиях зачастую сводящейся к сокращению оптимизации. По наблюдению одного из исследователей текущей волны российской эмиграции, во многих городах Европы сложились целые научные и производственные коллективы, укомплектованные специалистами, уехавшими из России.

Причем наряду с учеными, преподавателями и деятелями культуры эту прослойку составляют также весьма преуспевающие наемные менеджеры и финансисты.

В спектре же оценок данного актуального явления также прослеживается неоднозначность, когда на одном полюсе концентрируются неутешительные выводы и пессимистические прогнозы, ключевым в которых является понятие «утечка мозгов», а на другом – преобладает объяснение данного феномена развитием циркулирующей международной трудовой мобильности профессионалов, закономерной в условиях всемерного углубления глобализационных процессов.

Б. А. Дорошин